

мофей Михайлов не сознается в совершении злодеяния 1 го марта, но сознается вполне в принадлежности к социально-революционной партии, к террористической ее фракции, а также в вооруженном сопротивлении 3 го марта властям при арестовании его в Тельняной улице, и наконец, подсудимая Гельфман, не сознаваясь в участии в дѣлѣ 1 го марта, сознается в принадлежности к террористической фракции социально-революционной партии или, другими словами, к партии „Народной Воли“. Больше всего показанія Рысакова совпадают съ показаниями Перовской и Кибальчича. На основании этихъ показаній подсудимыхъ и на основании данныхъ дѣла, какъ я уже сказалъ, мнѣ предстоитъ воспроизвести предъ вами, по возможности, точную картину того заговора, жертвою котораго 1 го марта палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ.

Лѣтомъ 1879 года, я начинаю издательскія въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, происходить съѣзды членовъ революціонной партии. Вы много слышали объ этомъ съездѣ, еще больше, вѣроятно, слышали о немъ предшествовавшие суды. Съездъ этотъ важенъ потому, имъ устанавливается моментъ систематической рѣшимости совершить царубійство. На этомъ съездѣ, о которомъ упоминалъ здѣсь подсудимый Желябовъ, было рѣшено совершить покушеніе на жизнь усопшаго Императора и повторить его, въ случаѣ неудачи, до тѣхъ поръ, пока эти покушенія не увѣчатся злодѣйскою удачею. Во исполненіе такого рѣшенія съѣзда, которое, какъ вы слышали здѣсь отъ подсудимаго Желябова, было обязательно для всей партии и по его словамъ, вѣнялось въ законъ, было совершено рядъ покушеній на жизнь Его Императорскаго Величества: покушеній подъ Александровскомъ, подъ Москвой и наконецъ, 5-го февраля, въ Зимнемъ Дворцѣ. Для этихъ покушеній нужно было приготовить взрывчатые вещества, и приоткрыденіемъ ихъ, съ усердіемъ, ревностью и знающими, достойными, лучшимъ дѣломъ, занялся подсудимый Кибальчичъ. Очевидно, еще въ стѣнахъ тюрьмы уже загорѣло въ немъ нетерпѣливое желаніе вложить и свою лепту въ кровавую дѣлу, ознаменовавшую вступленіе социально-революціонной партии на путь политической борьбы и принять въ немъ посильное участіе, такъ что по освобожденіи онъ не замедлилъ явиться въ одному изъ главныхъ революціонныхъ дѣателей, нынѣ осужденному и казенному государственнымъ преступнику Кватковскому, и предложилъ свои услуги. Техничѣ-динамитчикъ, производитель динамита—былъ человекъ драгоценный для партии. Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и, конечно, работы предстояло ему много. Онъ и занялся этою работою. Вы, конечно, помните его показанія, занесенныя въ обвинительный актъ и подтвержденные здѣсь. Въ теченіе полутора года онъ изготовлялъ динамитъ въ большомъ количествѣ, когда ему приказывали, не спрашивая о томъ, на что именно въ известную минуту нуженъ динамитъ, но всегда зная, для какой конечной цѣли онъ будетъ служить.

Рядомъ съ приготовлениями, въ которыхъ также видное участіе принималъ Кибальчичъ, съ осени 1880 года, идетъ агитаціонная дѣятельность интеллигентныхъ дѣателей въ рабочей средѣ. Это вообще пріемъ не новый, практикованный и прежде, но здѣсь, повидимому, на этотъ пріемъ были направлены особые усилія партии, и партия справедливо до кавальтерства этому служитъ Тимофей Михайловъ, видѣла въ агитаціи среди рабочихъ способъ пріобрѣтенія новыхъ полезныхъ агентовъ. Между рабочими по инициативѣ агитаторовъ, образуются кружки, сходящіеся въ агитаціонную группу рабочихъ. Такие дѣатели, какъ Рысаковъ, еще не принадлежащіе къ партии, если можно такъ выразиться, формально и болѣе склонные къ мирной социалистической дѣятельности среди рабочихъ, убѣждаются изъ агитаціонной дѣятельности въ томъ, что единичныя усилія ихъ не могутъ принести плодотворныхъ результатовъ въ кооперативномъ смыслѣ. Придя къ такому убѣжденію, они сходятся съ испытанными дѣателями революціоннаго движенія, подпадаютъ подъ ихъ вліяніе и дѣлаются ядромъ довольно систематически слагающихся небольшихъ организаций среди рабочихъ, организаций, пріурочиваемыхъ къ террористической системѣ. Потому, что говорить о группѣ рабочихъ подсудимыхъ, можно подумать, что она многочисленна, сильна личнымъ составомъ, качественнымъ и количественнымъ, но показаніе Рысакова разсѣиваетъ такое предположеніе: по его словамъ, группа состоитъ не болѣе какъ изъ десяти-двухъ человекъ, и въ ней настоящихъ рабочихъ очень немного; въ группѣ этой мы встрѣчаемъ Желябова, —онъ вездѣ, самаго Рысакова, Перовскую, Михаила Ивановича, Ельникова, „инвалида“ и другихъ. На обязанности группы лежала пропаганда

среди рабочихъ и руководство рабочимъ движеніемъ. Рядомъ съ нею, выдѣлившись изъ нея, образовался въ февралѣ 1881 года такъ называемый террористическій отдѣлъ рабочей группы, или, употребляя техническое выраженіе подсудимыхъ, довольна характерное, „боевая рабочая дружина“. О боевой рабочей дружинѣ у насъ есть нѣсколько разныхъ вариантовъ объясненій. Одни говорятъ, что подъ исполнительнымъ комитетомъ, главной группой, стояли другія подгруппы и въ распоряженіи этого комитета находилось нѣсколько назначенныхъ для насильственныхъ дѣйствій боевыхъ дружинъ, въ числѣ ихъ была боевая рабочая, такъ что кромѣ нея исполнительный комитетъ располагалъ еще и другими такими же дружинами. Но отъ другихъ мы не слышали такого объясненія. Тимофей Михайловъ даетъ объясненіе несравненно болѣе скромное, и я думаю, что какъ человекъ необразованный, умственный кругозоръ котораго де великъ, узокъ, онъ ближе къ истинѣ, свѣдѣтельствуя о характерѣ рабочей боевой дружины. На вопросъ о томъ, какое же она имѣла назначеніе, онъ отвѣчаетъ нѣсколькими очень короткими, но крайне характерными словами: защищать рабочихъ, т.-е. убивать шпионовъ и избивать нелюбимыхъ рабочихъ мастеровъ. Вотъ къ чему она была создана, вотъ что могло привлекать въ нее такихъ рабочихъ, которые дошли до такого состоянія, до котораго дошелъ подсудимый Тимофей Михайловъ. Образованная по инициативѣ Желябова, она состояла изъ незначительнаго числа лицъ: 4, 5, 6 человекъ. Вотъ все, что входило въ составъ той боевой дружины, если только останавливаться на показаніи Рысакова, и кто же? Все тѣ же. Опять тотъ же Желябовъ, тотъ же Рысаковъ, тотъ же Михаилъ Ивановичъ, но безъ Перовской и наконецъ Тимофей Михайловъ, можетъ быть еще кто нибудь, и этимъ составомъ боевая рабочая дружина исчерпывается. Органомъ агитаціонной рабочей группы была начавшаяся издаваться въ то время „Рабочая Газета“, типографія которой помещалась въ конспиративной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ и которая печаталась при содѣйствіи Геси Гельфманъ. Первый номеръ ея относится къ сентябрю 1880 года, второй и послѣдній—къ февралю 1881 года, всего вышло два номера. Такимъ образомъ и агитаціонная группа и рабочая дружина представляются мнѣ не болѣе какъ способомъ вербовки рабочихъ къ дѣятельности партии. Вербовка производилась главнымъ образомъ Желябовымъ, при помощи другихъ лицъ, между прочимъ и Перовской. Такимъ путемъ былъ имъ заманенъ въ сѣти Тимофей Михайловъ. Въ этомъ же времени относится внезапный и почти ничѣмъ необъяснимый переходъ Тимофея Михайлова и Рысакова съ законнаго положенія на „положеніе „незаконное“. Это опять выраженіе техническое, социально-революціонное. Это значитъ перестать быть прежнимъ человекомъ, это значитъ забыть свое крещенное христіанское имя, начать называться лютыми именами, бросить свой настоящий видъ на жительство, взять подложный, и такимъ образомъ скрываться гдѣ день, гдѣ ночь отъ преслѣдованія властей. Хорошо. Для тѣхъ, которыхъ преслѣдуютъ, это необходимо, но для тѣхъ, которые не подвергались этому преслѣдованію, какой смыслъ имѣетъ этотъ переходъ? А между тѣмъ мы видимъ, что и Рысаковъ и Михайловъ переходятъ на это положеніе въ 1881 году безъ всякаго основанія и необходимости, потому, что по имѣющимся свѣдѣніямъ относительно Рысакова, относительно павшаго на него подозрѣнія, по ихъ неопредѣленности и по отсутствію всякаго указанія на пріятіе противъ Рысакова репрессивныхъ мѣръ, быть основанія полагать, чтобы для Рысакова были причины къ переходу на нелегальное положеніе. Причина та, что Желябовъ переводитъ ихъ на это положеніе. Это положеніе въ моихъ глазахъ имѣетъ значеніе посвященія въ члены партии. Переходъ на нелегальное положеніе, человекъ переступаетъ рубиконъ: за нимъ есть чужое имя, чужой паспортъ. При такомъ внезапномъ переходѣ отступать ему нечего, и остается только идти впередъ, впередъ, туда, куда толкаются Желябовы. Здѣсь мнѣ нужно нѣсколько остановиться на роли подсудимаго Желябова въ самомъ заговорѣ. При этомъ я постараюсь приписать ему только то значеніе, которое онъ въ дѣйствительности имѣлъ, только ту роль, которую въ дѣйствительности онъ исполнялъ, ни больше, ни меньше. Полагаю, что и этого однако и для суда, и для оцѣнки дѣятельности Желябова будетъ совершенно достаточно. Роль моя въ Петербургѣ, говоритъ Желябовъ, была конечно, не дѣятельная и важная, чѣмъ въ провинціи. Тамъ я дѣйствовалъ самостоятельно, а здѣсь—подъ ближайшимъ контролемъ исполнительнаго комитета, о которомъ такъ часто приходится говорить Желябову. Я былъ только исполнителемъ указаній, и вотъ исполнительный комитетъ, говоритъ онъ, рѣшивъ совершеніе въ началѣ 1881 года новаго посягательства

на царубійство, поручилъ ему Желябову, заняться ближайшей организаціей этого предпріятія, какъ любя въ выражать подсудимые на своемъ особенномъ специфическомъ языкѣ, или другими словами, выражаясь языкомъ Желябова, поручилъ ему учредить атаманство, атаманомъ котораго и былъ подсудимый Желябовъ. Въ старые годы у насъ называли атаманомъ людей, которые становились во главѣ разбойническихъ соединеній. Я не знаю, это ли воспоминаніе или другое побудило къ воспріятію этого названія, но тѣмъ не менѣе Желябовъ былъ атаманомъ и атаманство подъ его началомъ образовалось. Выбравъ лицъ достойныхъ, годныхъ, по его мнѣнію, къ участію въ злодѣяніи, онъ составилъ имъ списокъ и представилъ его на утвержденіе исполнительнаго комитета. Исполнительный комитетъ, утвердивъ его, возвратилъ его Желябову, который затѣмъ привелъ постановленіе исполнительнаго комитета въ исполненіе. Было рѣшено совершить злодѣяніе двумя способами, параллельно другъ съ другомъ идущими и имѣющими тѣсную связь: подкопомъ на Малой Садовой и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Желябовъ и Кибальчичъ указываютъ на то, что между этими двумя способами не было тѣсной связи, что организаторы одного не были организаторами другаго. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что мы знаемъ о заговорѣ, что раскрыто показаніями самихъ подсудимыхъ, говоритъ противное, и говоритъ, что оба эти способа были выбраны вмѣстѣ и разработаны совместно, на случай если не удастся одинъ, то удастся другой. Такимъ образомъ былъ составленъ планъ. Главное руководство, по этому плану, утверждаетъ Желябовъ, принадлежало не ему, а исполнительному комитету. Исполнительный комитетъ—это вѣдѣющее, но невидимое таинственное соединеніе, которое держитъ въ рукахъ дружины заговоры, которое двигаетъ людьми какъ марионетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ, однимъ, словомъ, это душа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать другое мнѣніе, и рискую подвергнуться недоброму и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю просто усомниться въ существованіи исполнительнаго комитета. Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебного слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое, правильно устроенное, иерархическое, распредѣленіе въ нѣчто соединяющееся въ учрежденіе. Я думаю, что исполнительный комитетъ—это вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе, и я сейчасъ укажу на нѣкоторые данныя, подтверждающія мое заключеніе. Обвиняемый Гольденбергъ въ показаніяхъ своихъ, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ, говоритъ объ исполнительномъ комитетѣ, между прочимъ объясняетъ, что исполнительнымъ комитетомъ называлась наиболѣе дѣятельная городская группа социаль-но-революціонныхъ дѣателей, т.-е. группа, не учрежденіе. Въ № 3-мъ „Народной Воли“, въ передовой статьѣ имѣется весьма характерная и весьма знаменательная оцѣнка дѣятельности исполнительнаго комитета и указаніе на его необходимость, дающая ключъ къ разгадкѣ. Въ этой статьѣ, написанной въ то время когда, удручающее сознаніе безсилія тагетла надъ партией, говорилось о томъ равнодушіи, которое къ социальнѣ для всей партии, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, о томъ равнодушіи, которое высказывается даже въ томъ, что люди принадлежащіе къ партии не имѣютъ никакой инициативы въ дѣлѣ, не проявляютъ никакой энергіи, и заключаются слова: „Русскому человеку даже въ социальнѣ революціонномъ дѣлѣ нужно начальство и безъ начальства онъ никакъ не можетъ обойтись“. И вотъ, для созданія такого фиктивного начальства, котораго никто не знаетъ, которое, говоритъ, гдѣ-то тамъ, чуть не подъ землею, и повисла, мнѣ кажется, эта фикція объ исполнительномъ комитетѣ, какъ объ опредѣленномъ, правильно организованномъ подпольномъ учрежденіи. Я думаю, также и потому, что если этотъ исполнительный комитетъ такъ правильно организованъ и руководитъ всѣмъ дѣломъ, то неужели, когда былъ арестованъ Желябовъ, организаторъ злодѣянія, неужели у исполнительнаго комитета не нашлось болѣе сильной руки, болѣе сильнаго ума, болѣе опытнаго революціонера, чѣмъ Софья Перовская? Неужели слабыми руками женщины, хотя бы она была сожителницею Желябова, можно передавать такое дѣло, какъ преемство по исполненію злодѣянія? Я полагаю, что если исполнительный комитетъ существуетъ, организованъ и обладаетъ такими большими средствами, то неужели предъ самымъ совершеніемъ преступленія нужно было бы прибѣгать къ несчастнымъ 50 рублямъ, полученнымъ Рысаковымъ изъ конторы Громова для средствъ партии, для фонда ея, за неимѣніемъ такового? Какъ бы то ни было, если условиться называть исполнительнымъ ко-